

как и предполагал сначала И. И. Толстой, где-то на востоке. Однако для полного выяснения этого вопроса мы еще не располагаем достаточным материалом. Ограничившись сказанным, считаю все же необходимым добавить, что все пять мидхетских монет оказались пробитыми, а в одном случае это подражание было найдено совместно с сильно потертым арабским фельсом, по типу — VIII в.

Таким образом, для датировки погребального инвентаря эти мелкие монеты, как, впрочем, и так называемые денарии Августа и драхмы Готарза, не могут служить надежным материалом. В некоторых случаях следовало бы датировать эти монеты инвентарем, но не наоборот. Предварительный анализ добытого Мидхетской археологической экспедицией нумизматического материала дает основания полагать, что уже с рубежа IV—V вв. жизнь древней столицы Иберии начала клониться к упадку, о чем наряду с археологическими данными свидетельствуют и другие источники.

Заканчивая краткую информацию о монетных находках 1937—1948 гг., остановлюсь вкратце на исключительно интересных нумизматических находках в 1951 г.

В конце мая 1951 г. в самой Мидхете, несколько севернее ограды храма Свети Цховели, в подвале местной жительницы Т. Хубиеровой был обнаружен ограбленный каменный ящик с двускатной кровлей. Исследовавший погребение А. Н. Каландадзе обнаружил в мусоре жалкие остатки погребального инвентаря (керамика, пастовые бусинки, обрывки золотых листочков и т. п.), а также следующие монеты:

а) так называемый оригинальный статер Александра Македонского блестящей сохранности и с монограммами K и A — 1 экз.; б) денарии с именем Октавиана Августа — 3 экз.; в) драхму, приписываемую Готарзу, — 1 экз.

Как известно, в I в. н. э. в Грузии бытовали уже деградированные и более легкие подражания этим статерам, и потому трудно утверждать, что эти так называемые «оригинальные» статеры обращались с ними одновременно. Но при наличии в этом погребении монет Августа и Готарза, датирующих захоронение по меньшей мере I в. н. э., другого объяснения дать нельзя, тем более, что статер, который не был снабжен ушком и не пробит, не мог служить и украшением.

В конце июня 1951 г. на правом берегу р. Куры, примерно в 300 м к востоку от ж.-д. станции Мидхета, у подножья скалистой горы, на участке, непосредственно примыкающем к Багипети, был обнаружен мавзолей, подвергшийся ограблению, видимо, еще в древности. Раскапывавшие мавзолей Г. А. Ломтадзе и И. Н. Цицишвили обнаружили остатки исключительно ценного инвентаря и очень богатый нумизматический материал¹. В мавзолее оказались следующие монеты:

З о л о т ы е:

а) грубые подражания статерам Александра Македонского — 5 экз.;
б) римские ауреусы (по одному — Тиберия, Нерона, Вителлия и Веспасиана) — 4 экз.

С е р е б р я н ы е:

а) в подавляющем большинстве сильно потертые парфянские драхмы Артабана I (88—77 гг.), Синетрука (76/75—70 гг.), Фраата III (70—58/57 гг.) и Фраата IV (38—32 гг.) — по одной и Орода II (57—37 гг.) — 47 экз., а всего — 51 экз.;

б) сильно потертые монеты, по типу похожие на драхмы понтийского Полемона I (14—9 гг.); на одной из них сохранилось ΒΑΣΙΛΕΥΣΕΩΣ ΟΝΟΜΑΤΟΣ — 2 экз.;

в) великолепно сохранившийся денарий Октавиана Августа — 1 экз.

Монетам сопутствовала золотая пластинка, размером и весом соответствующая вышеупомянутым подражаниям. Совершенно гладкая поверхность этой пластинки с обеих сторон расчерчена перпендикулярно пересекающимися двумя диаметральными линиями, образующими знак креста, в месте пересечения и на концах ветвей которого выцарапаны кружочки. Считать эту пластинку индикацией нет оснований, так как для этого она слишком массивна, а признать ее заготовкой для изготовления «подра-

¹ Подробные сведения об этой находке сообщены в газете «Заря Востока» (Тбилиси), № 183/8143 от 5 августа 1951 г.

жаний» — я не решаюсь, поскольку пока слишком мало известно о технике изготовления таких монет. Эта пластинка заслуживает самого пристального внимания, так как, если она действительно окажется заготовкой, то западногрузинское происхождение «подражаний» этой категории в таком случае может быть уже поставлено под сомнение, особенно в связи с участвовавшими подобными находками в Восточной Грузии. Установлено, что находки подражаний лисимаховской категории фиксируются в причерноморской полосе Западной Грузии, тогда как подражания статерам Александра в основной своей массе распространены в нагорной, граничащей с Иберией части. Таким образом, если будет установлено, что большинство зарегистрированных пунктов находок последних подражаний, ныне входящих в территорию западной Грузии, когда-то, в определенный период, входило в состав древней Иберии, то А. Н. Зограф и тут оказывается правым, утверждая, что «в Восточной Грузии и Осетии..., повидимому, преобладают грубые подражания статерам Александра»¹. В таком случае, конечно, придется пересмотреть в отношении к подражаниям александровского типа введенный мной термин «колхский статер» и заменить его более подходящим.

Монетный комплекс мцхетского мавзолея интересен и в том отношении, что он может оказаться полезным для выяснения истинного происхождения натурализованных драхм Готарза II. Характерно, например, что при таком обилии парфянских драхм и при наличии ауреусов Вителлия и Веспасиана, которые не могли появиться ранее 69 г., в комплексе монет мавзолея не оказалось ни одной драхмы Готарза II, как известно, окончившего свою деятельность в 51 г., т. е. примерно лет за 20 до появления вышеупомянутых ауреусов. Не могло ли это служить основанием для предположения, что драхмы Готарза II вошли в денежный оборот Иберии лишь в конце I в. н. э.? А при условии их очень длительного обращения, дотянувшегося до конца III в., можно было бы прийти к выводу, что их чеканка производилась не в Парфии. Несомненно, имеет значение также и то обстоятельство, что единственный экземпляр денария Августа из этого монетного комплекса оказался блестящей сохранности.

Эти две последние находки Мцхетской археологической экспедиции увеличили добытый тут нумизматический материал почти на 30%, и, таким образом, он достигает 30¼ экземпляров (табл. V). Несомненно, дальнейшее изучение Мцхетского района, наряду с разрешением других крайне важных проблем, прольет свет на пробелы, которыми характеризуется грузинская нумизматика первых веков нашей эры.

Д. Г. Капанадзе

ГРЕЧЕСКИЕ НАДПИСИ ТЕМРЮКСКОГО И ЯЛТИНСКОГО МУЗЕЕВ

1. Надгробие Темрюкского музея

В 1936 г. в Темрюкский музей поступила надгробная плита с греческой надписью. Точное место находки стелы неизвестно. Сохранность плиты, высеченной из грубого известняка, плохая. Правый верхний край плиты и нижний левый отбиты (рис. 1). Размеры плиты: высота 0,95—0,83 м, ширина 0,70—0,50 м, толщина 0,12 м. Высота букв 0,025—0,035 м.

Грубым и неровным шрифтом, глубокими вырезами, начертано:

Δημόφῶν
Ἀνισάλοιο
ἀδελφῆ
μνήμ(ε)ν

Демофонт Анисале сестре (поставил памятник на) память.

¹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, стр. 102.

Имя Демофонт, чисто греческое, уже встречалось на Боспоре: в надписи IV в. до н. э., из окрестностей Пантикапея (IOSPE, IV, № 299), в надписи первой половины III в. до н. э., найденной в окрестностях Горгиинии (IOSPE, IV, № 432 В. 17), и в боспорской надписи III в. до н. э. (ИАК, вып. 58, стр. 23).

Женское имя Ἀνίσσαλον — местное — встречается впервые.

Встречаются ошибки резчика: в dat. sing. нашей надписи стоит ошибочно ο с υ adscriptum вместо φ —, а в слове μνήμ(η)ν вместо η начертано ε.

Формулировка надписи несколько необычна; можно предполагать, что слово μνήμ(η)ν употреблено в значении στήλην, или, возможно, что резчик, кроме часто опускаемых слов ἀνέστησε στήλην, пропустил еще слово χάριν в обычной формулировке μνήμης χάριν. Правда, тогда в слове μνήμ(ε)ν следует отметить вторую ошибку резчика — написание ν вместо ς.

Весь шрифт надписи и особенно начертание ω указывает на позднее время, возможно даже IV — V вв. н. э. Аналогичное начертание имеется в надписи на каменном кресте, найденном на Кубани в Кабарде¹.

Рис. 1

II. Ялтинская плита с наговором

В собрании Ялтинского музея хранится надгробная мраморная плита (размеры 0,59—0,70 × 0,475 × 0,10 м), довольно хорошей сохранности (рис. 2). Происхождение ее неизвестно. Можно предполагать, что ранее она находилась в одном из дворцовых собраний. В верхней части плиты, под грубо намеченными фронтоном и акротериями, находится рельеф (0,19 × 0,34 м) с изображением обнаженного до пояса мужчины, полувозлежащего на ложе. В левой руке он зажимает толстый канат², охватывающий его левую руку около локтя и туловище около пояса. У ног мужчины, по видимому на том же ложе, спит женщина в покрывале и длинном платье,

доходящем до ног. В правой руке женщины неясный предмет, напоминающий свиток; левая рука ее, с безобразно расставленными пальцами, поднята вверх и указывает на возлежащего мужа. Внизу плиты изображены две наложенные одна на другую руки, воздетые кверху.

Над рельефом (рис. 3, выполнен по эстампажу Л. П. Розановой) была высечена двустрочная надпись (размер букв: высота 2—5 см, ширина 2 см):

Λύκων Φιλαδέλφου Ἰνά[χφ]
τις αὐτὸν ἠδίκησε τῷ ἢ αἵμ[α]

Перевод: Люкон, сын Филадельфа. Инаху, который ему навредил (причинил смерть.— Н. Р.) пусть будет ему [наказанием] кровь. (т. е. «пусть будет он убит», или «пусть он умрет»).

¹ И. Помяловский, Сборник греческих и латинских надписей Кабарды, СПб., 1881, стр. 18—19.

² Возможно, этот канат означает болезнь, пригвоздившую человека к постели и закончившуюся смертью, ниспосланную на него по наговору его врагов (см. И. Помяловский, Эпиграфические этюды, СПб., 1873, стр. 44 и сл.).

Рис. 2. Надгробный рельеф из коллекции Ялтинского музея

Последнее слово первой строки мы восстанавливаем как имя Ἰνάχος, уже встречавшееся на Боспоре (IOSPE, II, 227). В конце нижней строки дополнение к буквам αἰμ. буквы α дает слово τὸ αἷμα, которое имеет значение «кровь, убийство», в данном случае — «смерть»¹.

Несомненно, что dat. singularis τῷ указывает на вышеупомянутого Инаха. Отметим — conjunctivus praesentis от глагола «быть». Эта форма выражает сильное желание, или, вернее, мольбу — «да будет...»

Рис. 3

Глагол ἠδίκησεν, употребленный в aoristus activi в сочетании с местоимением αὐτός, встречается в наговорах египетских магических папирусов².

В латинской эпиграфике этому глаголу соответствует глагол посео; так, в одной латинской надгробной надписи, начертанной на мраморной плите, найденной в Риме (И. Помяловский, ук. соч., стр. 36), также с поднятыми и как бы молящими о возмездии руками, мы читаем: Quisquis ei laesit, aut nocuit, Severae inmerenti..., т. е. «Тот, кто оскорбил незаслуженно Северу или навредил ей...» (ср. τις αὐτὸν ἠδίκησεν нашей надписи).

Древние наговоры (defixiones), или так называемые imprecationes, были очень распространены в Риме в конце республики и во время империи. Публикуемый памятник относится к наиболее малочисленному разряду defixiones, помещенных в надгробных надписях и заключающих в себе мольбу об отмщении смерти покойного.

Имя Люкон встречается в текстах и в надписях, начиная с V—IV вв. до н. э. и в римское время³; в керамических клеймах юга СССР это имя также засвидетельствовано.

¹ Αἷμα в магических заклинаниях употребляется неоднократно (И. Помяловский, ук. соч., стр. 55; см. также J. Anderson, F. Cumont, H. Grégoire, *Studia Pontica*, III, Bruxelles, 1910, стр. 20, № 10). Αἷμα в магических папирусах см. R. Wünsch, *Aus einem griechischen Zauberpapyrus*, Bonn, 1911.

² И. Помяловский, ук. соч., стр. 143... αὐτὸς ἠδίκησέ με...; см. также R. Heim, *Incantamenta magica graeca et latina*, Lipsiae, 1842, стр. 478, § 46... μή με ἠδίκησῃτε αὐτοί... На одной серебряной табличке II в. н. э., найденной в гробнице вблизи Самсуна в Передней Азии, просьба о возмездии обидчику и обращении на него сделанного им зла выражена так: ... καὶ εἴ τις με ἠδίκησ[ε]ν, ἐπ' ἐκ[εῖ]νον ἀπόστρεψον. J. Anderson, F. Cumont, H. Grégoire, *Studia Pontica*, III, стр. 20, № 10; см. также Н. И. Новосадский, Амулет с именем 'Ακρόφι, «Сборник в честь В. К. Мальмберга», стр. 131.

³ A. S. Arvanitopoulos, *Inscriptions inédites de Thessalie*, стр. 21, № 266, 30, *Revue épigr.*, т. II, янв. — март 1914; G. Dittenberger, *SIG*, т. I—IV, Lipsiae, 1915—1924, №№ 318, 70; 546^B, 106; 80, 11; 262, 52; 424; 77, 20; 936, 8; А. Никитский, Исследования в области греческих надписей, Юрьев.

Распространенное в Греции имя Филадельф¹ также известно в северочерноморской эпиграфике (IOSPE, I², 174). Характерный шрифт надписи, вырезанной умелым резчиком, датирует ее II в. н. э. (ср. IOSPE, I², № 2—181 г. н. э.; IV, № 425—116 г. н. э., № 447—155—171 гг. н. э.).

Полной аналогии издаваемому памятнику пока не удалось найти. Можно указать лишь на рисунок надгробной стелы с греческой надписью, найденной в Риме, о котором упоминает И. Помяловский (ук. соч., стр. 142, прим. 75,4); на ней слева изображен сидящий мужчина, справа лицом к нему стоит женщина, причем их правые руки соединены в рукопожатии. Между двумя фигурами высечены две воздетые руки, как бы просящие о возмездии. В надписи под рельефом нет наговора, но возможно, что воздетые руки должны были символизировать мольбу о возмездии за покойного.

И. И. Розанова

1901, стр. 123; Ю. Ю. Мартин и В. В. Шкорпил, *Керамические надписи, хранящиеся в Мелек-Чесменском кургане*, Одесса, 1910, №№ 77, 268, 275.

¹ Оба имени, Люкон и Филадельф, широко известны в эллинических областях, см. Pape-Benseler, *Wörterbuch d. griechischen Eigennamen*, s. v.

Х Р О Н И К А

Выдающийся борец за мир

*К присуждению Международной Сталинской премии мира профессору
Лозаннского университета Андре Боннару*

Среди выдающихся борцов за мир удостоен в 1954 г. международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» швейцарский ученый и общественный деятель Андро Боннар — профессор древнегреческого языка и литературы в Лозаннском университете.

А. Боннар родился в Лозанне в 1888 г. После окончания университета преподавал греческий язык в средней школе в кантоне Во, в 1928 г. был избран профессором Лозаннского университета. В том же году Боннар опубликовал свободный перевод трагедии Эсхила «Прикованный Прометей».

За истекшие с тех пор четверть века Боннар приобрел широкую известность в родной стране и за ее пределами, как крупный и разносторонний ученый-античник. Им опубликован целый ряд статей по древней философии, истории античной религии и христианства. Книга «Боги Греции», содержащая очерк мифологии классического периода вышла тремя изданиями — в 1944, 1946 и 1950 г., переведена на немецкий язык. Боннар является также соавтором труда «Древняя история», впервые опубликованного в 1937 г. и переизданного в 1945. Еще в середине 30-х годов он обратился к творчеству Сапфо, результатом чего явился ряд статей и отдельная книга переводов (1948 г.).

Но наиболее прочные и длительные симпатии Боннар питает к древнегреческой трагедии, выступая как ее талантливый комментатор и переводчик. В Швейцарии и Франции хорошо известны изданные им переводы «Прометея» (переиздан в 1946 г.), «Антигоны» (1938, 1949 и 1950), «Царя Эдипа» (1946, 1949), «Ифигении в Авлиде» (1942), «Алкесть» (1948), а также целый ряд статей, часть которых представлена в книге Боннара «Трагедия и человек», вышедшей в Париже и Невшателе в 1951 г. Уже в последние годы опубликованы две статьи Боннара, посвященные Аристофану: «L'humanisme de Rabelais éclairé par Aristophane» («La Pensée», 1953, № 48—49) и «Аристофан и мир» («Europe», 1954, № 7—8).

Как видно из краткой характеристики научной и литературной деятельности Боннара, особенно плодотворным ее периодом является последнее десятилетие, и в этом есть глубокий внутренний смысл. Послевоенные годы ознаменованы в жизни Боннара исключительным подъемом его общественно-политической активности.

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией вызвала у Боннара глубокий интерес к жизни и культуре советского народа. Он становится активным членом общества «Швейцария — Советский Союз». В 1947 г. в Лозанне, а в 1948 г. в Париже Боннар выступил с серией лекций о советской литературе, которые он впоследствии, несмотря на ожесточенные нападки реакции, выпустил отдельной книгой под названием «К новому гуманизму. Размышления о советской литературе».

В конце 1948 — начале 1949 г. А. Боннар, откликаясь на призыв Вроцлавского конгресса деятелей культуры, выступает с инициативой объединения всех миролюбивых кругов Швейцарии в единое движение. Он становится председателем Швейцар-